

Мир символического — мир машины

Прекрасное, если верить прославленному изречению Аристотеля, есть нечто «легко обозримое» (το εὐσυνολτον) — то, что можно охватить одним взором и без затруднений разглядеть как впечатление целого¹. Хотя трагедия, вроде «Царя Эдипа», и преисполнена печали и ужаса, автор «Поэтики» заявляет права темпоральности на все эти эмоции — душераздирающее зрелище не может обойтись без продуманного начала, середины и конца², которые зримы не менее, чем вещи этого мира, хотя бы даже отдельные образы трагедии и прорывались через границы зримого к непостижимому. В изречении Аристотеля и родилась эстетика — задолго до того, как в новой Европе Баумгартен учредил свою науку, закрепив за ней отвлеченный греческий термин. Попытаемся прокомментировать слово Аристотеля, спроецировавшее из себя целую область знания.

Аристотелевское понятие «легко обозримое» (το εὐσυνολτον) скрывает в себе трансцендентальный поворот, который Ницше, возможно, и назвал «аполлинизмом». Когда Кант связал с понятием красоты другие представления, подключив к делу «способность воображения» и «легкую игру» общего понимания, с целью синтезировать эти данности или, как говорил Кант, «данные» (Daten)³, он вновь выдумал «красоту» как прежде всего оптическое впечатление, как форсированное опознание зрительного образа. Заменяя понятие возвышенного, открывавшее вид на предметы, упрощающими синонимами «громадное» (для математических величин) и «могучее» (для умноженной силы)⁴, Кант вывел свое окончательное определение красоты. Философ превратил простой механизм познания в механизм познания в квадрате — эстетика механизмирует свой предмет, служащий оптимизации механизма познания. Но подчеркнем потенциальный момент философского или, лучше сказать, истори-

¹ Аристотель. Поэтика 1451a4.

² Там же. 1450b22–31.

³ Kant I. Kritik der reinen Vernunft. A239. Ср. в связи с этим и другими вопросами: Dotzler B. Die Revolution der Denkart und das Denken der Maschine: Kant und Turing // Diskursanalysen. Bd. 1: Medien. Opladen, 1987. S. 150–163.

⁴ Kant I. Kritik der Urteilskraft. B. 79f.

ко-технического свойства: механизм познания (а именно им считал Кант рефлексивную способность суждения) не может быть воспроизведен никаким другим механизмом, ни интеллектуальным, ни материальным. Ангел не нуждается в рефлексии над данными, выстроенными во времени и размещенными в пространстве, а машины просто к ней неспособны⁵. Ангелы не замечают проблемы, а машины — ее решения. Поэтому субъектом эстетики, во вполне техническом смысле, остается человек.

Допустим, мы поставим (или, что здесь то же самое, представим себе) мысленный эксперимент, что за десять лет до рождения Фуко человек пережил на миг смерть Бога. Плацдармом проверки гипотезы будет проход между горами, в котором может затаиться вся человеческая жизнь, минуя старую эстетику. «Там повсюду только водопады и ручьи, молнии и громы», — пишет Лакан, отвечая на вопрос, почему именно в горах, в отсутствии людей, можно узнать «свой образ в зеркальном отражении, свой образ в озерной глади»⁶.

В удаче эксперимента сомневаться не приходится. Далее обозначим как t_1 все временные промежутки, когда световые лучи от возвышающейся горы по закону угла падения создают образ горы на водной глади, а виртуально также проецируются в воображаемое пространство. А негативные временные промежутки, когда происходит затухание изображения, обозначим как t_2 . Итак, зеркальная поверхность в данных условиях есть медиум передачи, а вовсе не накопительный медиум природы. Зеркало выполняет только функцию эстезиса, то есть правдивого восприятия, которое в бесчеловечной модели Лакана обнаруживается только затем, чтобы поскорее разрубить неудержимым взмахом меча гордиев узел «метафизической проблемы сознания»⁷. Ведь для «материалистического определения» сознания достаточно лишь «поверхности», которая по коэффициенту угла отражения верно соотносит отдельные пространственные моменты реальности, но при этом создает виртуальную точку зрения⁸. Так называемый человек с его так называемыми свойствами или признаками сознания вспоминается в последнюю очередь: ведь отображения в зеркале природы ничем не отличаются от впечатлений зрительного центра, проходящих через верхние задние доли головного мозга⁹.

Эстетический материализм Лакана вызывал протесты философов. На свой обозначенный в заглавии вопрос «Что такое неоструктурализм?» Манфред Франк отвечает: «Это мечта об освобожденной от субъекта (subjectlose) машине» и выдвигает свой контрдовод: «Зеркало визуальных рефлексов не дает нам прояснить, чем являются вспы-

⁵ Там же. В16.

⁶ Lacan J. Das Seminar. Buch II: Das Ich in der Theorie Freuds und in der Technik der Psychoanalyse, 1954–1955 / Hrsg. N. Haas. Olten; Freiburg / Br., 1980. S. 63.

⁷ Там же. S. 62.

⁸ Lacan J. Remarques sur le rapport de Daniel Lagache // Lacan 1966a. S. 679.

⁹ Ср. Lacan J. 1966b. S. 66 sqq.

живающие здесь и там образы для самих себя, по отношению к самим себе». Более того, любое отношение между вещью и отражением нуждается в «знаке, которым оно обозначается, а точнее, обозначается именно в качестве отражения»¹⁰. Если бы Лакан ввел эту несообщительность человека в некоторые границы, его эксперимент по рассмотрению планетарного человечества непостижимым образом дал бы положительные результаты. Тогда машинное сознание, представленное кем-то в уме, осуществилось бы в социальной реальности.

Философское возражение, правда, кажется слабым сразу с двух сторон. Во-первых, сомнительно, чтобы субъект-объектные (bijective) отображения, которые представляют собой всего лишь логически контролируемый алгоритм, нуждались бы в каких-то дополнительных знаках, закрепляющих за ними бытие как таковое. За много веков до цифровой обработки изображений существовали геометрия и топология, которые прекрасно обходились без дополнительного означивания. Во-вторых, Лакан превращает все человечество в подопытную группу, пытаясь экспериментом подтвердить наличие одной функции, которой и посвящена критика Франка — фиксации данных. Любое отображение, скажем, горы, «существует, — прямо заявляет Лакан, — на весьма простом основании. Это основание — достигнутая нами высокая степень цивилизации, при которой мы можем превозмочь любые наши иллюзии нашим сознанием. Поэтому мы выдумали в самих себе аппаратуру восприятия, каковой мы без особых усилий можем приписать высокий уровень сложности. Эта аппаратура сама сворачивает киноплёнку, упаковывает ее в небольшие футляры и кладет в сейф»¹¹. Фотокамера при подключении электропитания регистрирует сияние света, которое потом проходит через объектив и запечатлевает запечатленное на экранной плёнке. Таким образом, все человечество вновь в период t_2 может пережить явленную прежде текучесть времени периода t_1 .

Если философия учит исконному «разговору с самим собой», который, во-первых, воспринимает все отображения как само собой разумеющееся, а во-вторых, фиксирует «непрерывный процесс повторения»¹², так что все индивиды при рассказывании истории своей жизни становятся маленькими Авторами, маленькими Гете, то психоанализ, напротив, настаивает, что сознание — это только воображаемый взгляд внутрь себя, когда-то созданный в соответствии с медийными стандартами. Психоанализ стремится заменить иллюзии технически трезвой проверкой работы этого медийного аппарата. Для отладки применяются прежде всего средства трансляции, такие как зеркало, затем, средства фиксации, как <аудио>плёнка, и наконец, (хотя об этом надлежало бы сказать сразу) машины, оперирующие словами и числами. В определе-

¹⁰ Frank M. Was ist Neostukturalismus? Frankfurt am Main, 1983. S. 398.

¹¹ Lacan J. Das Seminar. Buch II... S. 63.

¹² Frank M. Was ist Neostukturalismus?... S. 358, 538.

ние человека уже не входят свойства, в которых философы предполагали путь и средство самопознания всего человечества, но лишь соответствие техническим стандартам. Мы теперь точно знаем, что любая психология или антропология всего лишь записывает с помощью знаков, какие из функций обработки данных, уже освоенные машиной, могут также быть применены в реальности. Кантовское «я мыслю», которое во времена Гете могло относиться только к работе с впечатлениями от книги или пейзажа¹³, просто ждало своей полной реализации в машине, которая распознает все образы гораздо быстрее. Также и современная теория сознания, даже если мы не будем ее вслед за Лаканом относить к техническим наукам, но видеть ее во всей ее чудовищности, все равно имеет дело с фиксацией и подсчетом, так что только из соображений приличия мы не считаем ее медийно-технологичным построением.

В противоположность философии психоанализ уже при жизни Фрейда переходит от «научообразного самонепонимания» к «пониманию, достигнутому в других естественных науках»¹⁴, с опорой на такие наблюдаемые функции, как перенос и фиксация¹⁵. В «Очерке психологии» 1895 г. Фрейд писал, что сознание и мышление соотносятся так же, как перенос и фиксация. Как только нейроны восприятия регистрируют данные, выясняется, что эти данные уже не передаваемы и не упраздняемы. Значит, место более поздним данным они не уступят, не оставив возможности реагировать на окружающий мир как непрерывную смену случайностей. В свою очередь, ψ-нейроны, напротив, никак не могут удерживать и беспрепятственно фиксировать неосознанно зарегистрированные данные. Итак, отношение сознания и мышления оказывается туиковым; и всякая «сколь-нибудь значимая психологическая теория должна прояснять понятие мышления»¹⁶. Можно прояснить это так: оперативная память (RAM) и память «только-чтение» (ROM) взаимодействуют, пользуясь выражением Фрейда, только как «устройство, которое обеспечивает полную производительность [которая, при неизменности условий, не снижается], но при этом не может мыслить»¹⁷. В «Заметке о волшебном блокноте» 1925 г.¹⁸ то же самое было обозначено как проблема, которую разрешил коллега Фрейда Брейер, локализовав в центрах головного мозга различие между «аппаратом восприятия» и «органом формирования воспоминаний»¹⁹. Манфред

¹³ См.: Kittler F. Das Subjekt als Beamter // Die Frage nach dem Subject / Hrsg. M. Frank, G. Raullet, W. van Reijen. Frankfurt am Main, 1988. S. 403–405.

¹⁴ Habermas J. Erkenntnis und Interesse. Frankfurt am Main, 1969. S. 300 ff.

¹⁵ Freud S. Abriß der Psychoanalyse // Freud S. Gesammelte Werke. Frankfurt am Main, 1999. Bd. XVII. S. 126.

¹⁶ Freud S. Aus den Anfängen der Psychoanalyse // Freud S. Briefe an Wilhelm Fliess. Abhandlungen und Notizen aus den Jahren 1887–1902. Frankfurt am Main, 1986. S. 308.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См. к этому: Деррида Ж. Фрейд и сцена письма // Деррида Ж. Письмо и различие. М.; СПб., 2000.

¹⁹ Breuer J. Studien zur Hysterie // Freud 1950 / 1975, S. 442; anm. 1 zu S. 311.

Франк в отличие от Лакана в ходе своих экспериментов хотел вернуться к Фрейду и заново переопределить психоанализ. И так, «близость с самим собой», о которой забывают на уровне ф-нейронов, и непрерывность жизненного опыта, с которой не могут познакомиться на уровне п-нейронов, при таком рассмотрении отменяют любое существующее определение индивида.

Материализм Фрейда мыслил то же самое, что его эпоха воплощала в машинах по обработке информации — ни граном больше или меньше. Вместо души, которая почиталась источником всяческих мечтательных представлений, Фрейд описывал «аппарат психики» (одно из любимейших его выражений), который объединяет в себе все известные средства переноса и фиксации информации, равняясь тем самым с универсальным техническим средством вычислений — компьютером.

В практике психоанализа средствами переноса данных служили телефоны, которые превращали звук голоса в электричество, а бессознательное пациента — в речь сознания. Телефон, таким образом, передавал содержание бессознательного психоаналитику и транслировал попутные замечания аналитика, вновь превращая их в голос и в форму бессознательного²⁰. Фрейд использовал телефон в самом прямом смысле, не дожидаясь обрастания телефона дополнительными значениями: в 1895 г. он велел провести к себе кабель связи по адресу Вена, Берггассе, 19. Телефон стоял в коридоре, а в комнате для бесед был только беспроводной «телефон», речь, работающая в режиме радио. Средством трансляции в «Толковании сновидений» стал оптический аппарат по типу камеры, которая помещала сокровенные мечтания в систему осознанного восприятия. После этого Лакан смог без особых трудностей оцифровать по образцу кинопроизводства эти виртуальные отображения снов.

Не кто иной, как Эдисон, с небольшим разрывом во времени изобретший кинескоп и фонограф и прославившийся во многих областях, надоумил Фрейда (как и всех физиологов своего времени) производить запись данных, полученных в ходе сеанса, на ролик фонографа, отличавшийся от позднейшего берлинского стандарта граммофонных пластинок из воска или станиоля. «Душа, — как учили Делбеф и Гуйо, покончившие с устаревшей моделью сознания как алфавитного набора еще в 1880 г., — есть альбом фонозаписей»²¹. Таким образом, во фрейдовском «Очерке» мы находим не просто «следы» или намеки, но целые описания его «телефонных разговоров». Он хвалится, что рассказы пациентов приведены им хотя не «как совершенно точная фонограмма», но с максимально «высокой степенью надежности»²². В своих «Лекциях по введению в психоанализ» Фрейд, переходя от импровизации к импровизации,

²⁰ Freud S. Ratschläge für den Arzt bei der psychoanalytischen Behandlung // Freud S. Gesammelte Werke. Bd. VIII. S. 381 f.

²¹ Guyau J. M. La mémoire et le phonograph / нем. пер. F. Kittler. 1986. S. 50.

²² Freud S. Bruchstück einer Hysterie-Analyse // Freud S. Gesammelte Werke. Bd. V. S. 176.

приводит «примеры слово в слово»: он сам признавался, что овладел за шестьдесят лет жизни «совершенно необходимой для психоаналитика фонографической памятью»²³. Открытие психоанализа закономерно совпало с концом монополии письма, а с исторической точки зрения — с дифференциацией медиа. Телефон, фотопленка, фонограф и пишущая машинка (появившаяся на письменном столе Фрейда в начале 1913 г.) стали образами²⁴, из которых можно «сложить» аппарат психики.

Все это заметил только Лакан. Первый и, наверное, единственный писатель, сочинения которого называются просто «Сочинения», семинары — просто «Семинары», интервью на радио — «Радиозаписи», и выступления по телевизору — «Телевидение», употреблял психоанализ как стандарт хай-тека. Уже медийно ясный заголовок вполне отвечает немецкоязычному восприятию (за исключением утраченного «*Wunderblock*», *Волшебный блокнот*): новый стандарт Лакан поставил на место «диалога с философией»²⁵, как будто насильственно упраздняя монополию письма на передачу данных.

Но как между Гегелем и Фрейдом (заявляет Лакан) находится изобретение Уаттом паровой машины, которая с ее центробежным движением была первым примером негативной обратной связи инерций, а также закон постоянства энергии Майера, давший числовое обоснование в том числе фрейдовскому учению об «экономии импульсов»²⁶, так и между Фрейдом и Лаканом оказывается компьютер, универсальная дискретная машина Алана Тьюринга 1936 г. В эпоху господства хай-тека психоанализ выстраивает аппарат психики (если еще можно говорить о психике) уже не просто как медийную запись и перенос данных. Отныне психика функционирует как неразрывное триединство записи, воспроизведения и вычисления. Именно это обстоятельство обусловило «методологическое различие»²⁷ Лаканом между воображаемым, реальным и символическим.

На место реального, как известно по другим немецким переводам Лакана, он ставит реальность речи. И дабы самой манерой написания этих «Технических сочинений» прояснить анонимную пару понятий реальное / воображаемое, Лакан предпринимает экскурс в историю той науки, которая и ввела эту понятийную пару, математику нового времени:

«На это ответим, что как действительные, так и мнимые корни делают уравнение не всегда реальным, но иногда воображаемым; то есть

²³ Freud S. Neue Folge der Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse // Freud S. Gesammelte Werke. Bd. XV. S. 3.

²⁴ Cp. Jones E. Das Leben und Werk von Sigmund Freud. Bern: Stuttgart, 1960–1962. Bd. II. S. 125.

²⁵ Frank M. Was ist Neostukturalismus?.. S. 394.

²⁶ Lacan J. Das Seminar. Buch II... S. 99 f. Лакан упоминает центробежный эффект Уатта, опубликованный в 1784 г., как раз в преддверии Йенского романтизма, битвы при Ауерштедте и «Феноменологии духа».

²⁷ Lacan J. Ecrits. Paris, 1966. S. 720.

можно, по условиям задачи, придумать сколько угодно уравнений с любым числом корней, но все равно может не оказаться величины, которая удовлетворит нашим представлениям о реальном. Возьмем, к примеру, уравнение

$$x^3 - 6x^2 + 13x - 10 = 0$$

можно представить три решения, но только одно из них будет действительно реальным, именно 2, тогда как два других, полученные с помощью тех же арифметических действий, по тому же методу, будут мнимыми, а не реальными»²⁸.

Уже в «*Геометрии*» Декарта 1637 г. было сформулировано, конечно, с опорой на доказательство Гаусса, фундаментальное положение алгебры, согласно которому уравнения n степени имеют n решений²⁹. Эти решения в соответствии с современным ему словоупотреблением Декарт разделяет сначала на истинные и ложные: то есть на подсчеты, положительно или отрицательно отвечающие условиям задачи; а затем — на реальные или мнимые (воображаемые), то есть положительно или отрицательно соотносящиеся с самой формой задачи. Например, приведенное им уравнение третьей степени по условиям задачи имеет три решения, из которых только одно реально, тогда как другие два, а именно комплексные числа $2 + \sqrt{-1}$ и $2 - \sqrt{-1}$, не имели для современных Декарту математиков никакого смысла. Новаторство Декарта (во всяком случае, в сравнении с Кардано) состоит в том, что воображаемые числа, такие как $\sqrt{-1}$, получают имя и прописку в математике, так что с их помощью можно без каких-либо затруднений производить дальнейшие подсчеты. Так же в «*Размышлениях о методе*» представления, вроде снов, без всяких оговорок объявляются «актами мышления»; а примером «чистого представления» Декарт считает мнимые числа, с которыми можно оперировать математически, «не усматривая в этом уравнении никакого значения»³⁰. Именно здесь математический проект Декарта впервые успешно решает с помощью алгебраического метода те задачи, которые античная геометрия умела решать только с помощью циркуля и линейки³¹.

Лакан, великий знаток Декарта, сначала, в 1936 г., выводил свое понимание воображаемого из понятия «имаго» у Фрейда, и еще более — у Юнга. Но позднее он связал понятие воображаемого с противоположным ему понятием реального, что говорит об очевидном интересе Лакана к наследию картезианской геометрии. Напрямую ссылаясь на теорию комплексных чисел, Лакан пишет о «воображаемой функции» фаллоса как о $\sqrt{-1}$. Ведь тогда «фаллос, иначе говоря, образ пениса, получа-

²⁸ Descartes R. *Geometrie* / Deutsch hrsg. von L. Schlesinger. Berlin, 1894. S. 79.

²⁹ Ibid. S. 69.

³⁰ Ibid. S. 71.

³¹ Ср.: Descartes R. *Geometrie*... S. 4 f.

ет негативное значение в зеркальном отражении, на своем же месте» и как «недостающая часть скрытого образа» подвергается операции извлечения корня, который психоанализ, как и математика нового времени, не может сосчитать. Значит, названная функция фаллоса существует только в одной науке, которая и может помыслить и даже формализовать эту операцию: «Поэтому этот испытывающий эрекцию орган, который заменяется производным значением, может быть использован только благодаря коэффициентам его выражения в функции отсутствия значения, иначе говоря (-1) »³². Итак, математический психоанализ, производя подсчет впечатлений, внезапно останавливается перед воображаемой единицей i , но затем, явно путем квадратуры [квадрирования], движется дальше, пока не решает задачу подстановкой на место вторичной потенции i нового реального числа. Конечно, такие задачи — а вовсе не тригонометрические функции, как у Эйлера, которые ничем не смогли привлечь Лакана, — отвечают именно картезианскому понятию мнимого числа. Все подсчитав и учтя, Лакан осмелился прямо возразить своему консультанту по математике Жаку Риге, который пытался доказать, что мнимые числа стали реальным разделом математики:

«Не подлежит сомнению, что с помощью Вашего 0 и 1, которые можно словесно перевести как Отсутствие/Присутствие, мы можем репрезентировать все содержание наших представлений: все, что возникло в ходе определенного исторического развития, и все, что было открыто учеными-математиками. С этим мы и не спорим. В числах, которые записываются с помощью бинарных символов, мы можем обнаружить все свойства чисел. Но знание свойств еще не приводит ни к каким открытиям, пока не переоткрыты, не изобретены символы. Например, введение знака корня $\sqrt{\quad}$ позволило сделать гигантский шаг, и шаг этот был совершен сразу, как только знак $\sqrt{\quad}$ появился на листе бумаги. Столетиями люди не могли разобраться с уравнениями второй степени и вставляли в тупик, но как только появился знак, прогресс в математике пошел полным ходом»³³.

Рассуждение Лакана о пребывании математиков вне истории прогресса — это не просто теория математических операторов. В этом небольшом отрывке Лакан методологически безупречно различает реальное, символическое и воображаемое.

Символическими должны считаться те числа, которым могут соответствовать различные наборы знаков, но которые непременно могут быть отображены в двоичной системе — если мы, конечно, представим, что двоичная система использовалась в истории человечества. Реальными, напротив, будут числа, которые в виде цифр и операторов обра-

³² Lacan J. Schriften / Hrsg. N. Haas. Olten; Freiburg / Br., 1973–1980. Bd. II. S. 198 f.

³³ Lacan J. Le séminaire, Livre II: Le moi dans la théorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse. Paris, 1978. S. 329.

зуют конкретную и располагающуюся в определенном историческом времени числовую запись, пригодную к употреблению в реальных медиа. Такие медиа, воздействуя на реальность, отвели всем знакам свое место³⁴, в частности, велели знаку корня покоиться «на листе бумаги».

Знак корня будет символическим до тех пор, пока он является типографским символом, который имеет смысл в математических операциях и подсчетах, но не сам по себе. Ведь находящиеся в употреблении символы — это только подмножества принципиально возможного при счете множества операторов. А реальными или воображаемыми корнями будут в зависимости от тех значимых чисел, над которыми проводится операция: ведь к ним относятся не только реальные числа, но и множество комплексных чисел, с помощью которого мы никогда ничего не сможем посчитать.

Медиатеория, которая переносит проведенное Лаканом методическое различие на информационную технику, вопреки заявлениям некоторых критиков ни в коем случае не трансформируется под вещественные категории. Такое медийное устройство «символического», как компьютер, «универсальная машина»³⁵, по словам Тьюринга и Лакана, и называется этим словом, потому что непосредственно оперирует с материалом, который должен совпасть с числами натурального ряда. Медийным устройством «воображаемого» следует считать оптическое устройство, потому что оно построено для распознавания возникающих образов и на базе картезианской геометрии. К огорчению любого программиста, работающего с компьютерной графикой, который в режиме реального времени разделяется с враждебными подразделениями и враждебными корнями, вещь в его трехмерном пространстве либо играет роль другой вещи, либо замещает ее; и вопрос только в том, является ли корень из скалярного произведения двух векторов, направления взгляда и перпендикуляра к поверхности вещи, реальным или воображаемым³⁶. Как раз из этих отражений и прозрачностей исходит исследование Лаканом такого внечеловеческого медийного средства,

³⁴ Lacan J. Schriften... Bd. I. S. 24. О различии между математической самодостаточностью символического и физикалистском измерении реального см. также работу Римана: Riemann B. Über die Hypothesen, welche der Geometrie zugrunde liegen. Nachdruck. Darmstadt, 1967. S. 23: «Вопрос о действительности [Gültigkeit] геометрических выражений в бесконечном состоит в связи с вопросом о внутреннем основании отношения измерений [Massverhältnisses] пространства. Поэтому всякий, кто не будет оставлять мыслью учение о пространстве, придет, как мы уже говорили выше, к такому его применению, что при всякой дискретной множественности принцип отношения измерений уже содержится в понятии этой множественности, и это отношение будет постоянным, но воспроизводимым. Нужно также отметить, что напротив, лежащая в основании пространства действительность выстраивает дискретную множественность, иначе говоря, основание отношения измерений, благодаря действительности своей связующей способности».

³⁵ Lacan 1978. S. 328.

³⁶ Ср. в связи с этим: Glassner A. S. Surface Physics for Ray Tracing // An Introduction to

как фильм. Наконец, медийное устойство «реального» запечатлевает реальность в аналоговой памяти, к примеру, на звуковой пластинке. То, что записано [вырезано] на звуковой дорожке, может соответствовать бесконечно разнообразному множеству числовых значений, но при этом остается функцией одного только реального «варьирования» — времени, по крайней мере, пока Стефен Хоукинг не развернул перед нами перспектив воображаемого времени³⁷.

Лакан установил вполне определенный порядок соотношения реального, воображаемого и символического. Стадия зеркала, открытая Лаканом в тот же год, когда Алан Тьюринг изобрел универсальную дискретную машину, это, говоря совсем просто, кино. Лакан в качестве экспериментального подтверждения того, что воображаемое — специфическая для человека способность узнавать или не узнавать людей на портретах, цитировал один снятый без его участия фильм о малышах³⁸. С одной стороны, перед нами возникает реальность преждевременно родившегося тела, сенсорные нейроны которого в первый месяц жизни (не кто иной, как Флешзиг, психиатр Шребера, удостоверил в этом Лакана) с точки зрения миелогенезиса еще не сформировались и (по словам Флешзига)³⁹ «воспринимают лицо через ассоциацию телесных эмоций» или, если говорить в рамках категорий Лакана, они еще не имеют «раздробленного тела». С другой стороны, за этой раздробленностью, которая функционирует как сменяющие друг друга 24 кадра в секунду, стоит вполне сенсорная обратная связь при помощи зеркального образа, когда малышу посылается оптическая иллюзия целостности: прямо как при воспроизведении фильма на экране глаз воспринимает созданную воображением непрерывность. Поэтому открытым остается вопрос Манфреда Франка, может ли быть «нераспознанное

Ray Tracing / Hrsg. A. S. Glassner. London; San Diego; New York; Berkeley; Boston; Sydney; Tokyo; Toronto, 1989. S. 130–137.

³⁷ Cp. Hawking S. W. Eine kurze Geschichte der Zeit. Die Suche nach der Urkraft des Universums. Reinbek, 1988. S. 148; 170 f.

³⁸ Cp. Lacan J. Schriften... Bd. III. S. 13.

³⁹ Flechsig P., Über die Associationcentren des menschlichen Gehirns. Dritter Internationaler Congress für Psychologie in München vom 4. Bis 7. August 1896. München, 1897. S. 58. Как это и было сформулировано в теореме Лакана о «раздробленном теле» (*corps morcelé*) Флешзиг продолжает: «Новорожденный младенец имеет уже, вероятно, какое-то число (*eine ganze Anzahl*) особых сфер сознания. Каждая такая сфера смысла прежде всего представляет особый самостоятельный орган, в котором впечатление для ума принимает некоторое качество, будучи в большей или в меньшей степени переработанным, то есть связанным с другими, и она передает аппарату движения соответствующий инструмент ума. Возможно, именно так и разучиваются движения и другие простые операции. В самом начале между двумя обособленными мозговыми центрами появляется неразвернутый круг ассоциаций, возникающих изолированно в долях головного мозга, наподобие того, как морская гладь объемлет собой разделенные континенты земли». С такой физиологической прециозностью следует сопоставить элегический пересказ Франком идей Лакана, Зойглинга и Муттера (Frank M. Was ist Neostrukturalismus?.. S. 383).

сознание вообще сознанием»⁴⁰, тем более, что Лакан говорит о регулирующей, а не о познающей функции сознания. Отсылка к отражению в зеркале, которое всегда полноценно и «легко обозримо», и более того, не допускает никакого гомеостаза, напоминает ему двух роботов, которые (предвещая работающие без участия человека автоматические камеры скрытого наблюдения) связаны друг с другом положительной обратной связью через оптические сенсоры — пока системное состояние их обоих не перейдет по необходимости в неконтролируемые колебания... — перед нами противоречие, заключающееся в любом воображаемом и в любой оценке контуров образов. Согласно Лакану, такую осцилляцию может остановить помещенное между двумя роботами коммутирующее медийное звукозаписывающее устройство, поскольку за всяким дискурсом «стоит неосознанная математика»⁴¹.

Почему именно звукозапись — понятно сразу. Звукозапись, как и кино, — это аналоговое медийное средство, которое до изобретения компакт-дисков не проходило через функцию отрицания (аналогово-цифрового преобразования). При этом на таком устройстве записывается не воображаемая непрерывность, как в игровом фильме, но реальность — голос во всех случайностях его колебаний и частот. Ссылаясь на «хронофотографию» фаз движения Э.-Ж. Маре 1873 г., Лакан подчеркивает то, о чем философы «всегда забывали»: техническая звукозапись доказывает, что язык — это «нечто материальное»⁴². Как раз по этой причине фонограф Эдисона стал методически трезвым разделением реального и символического, фонетики и фонологии — благодаря чему и стала возможна структурная лингвистика.

Лакан продемонстрировал этот трезвый «разрыв», обратившись к деятельности Клода Шеннона, великого инженера времен мировой войны из «Белл Лабс». Лакановская теория «резонанса» между пациентом и аналитиком — это всего лишь приложение шенноновского понятия избыточности (*redundance*)⁴³, образец которого — невнятный шепот влюбленных, разговаривающих по телефону. В обеих науках, теории информации Шеннона и психоанализе, «идет речь вовсе не о том, что то, что друг другу рассказывают люди, имеет какой-то смысл. Напротив, то, что было рассказано по телефону, эти науки рассматривают в рамках определенного опыта и ни в коем случае не воспринимают серьезно. Когда люди шепчутся по телефону, можно опознать модуляции человеческого голоса, и возникает впечатление понимания, которое заключается просто в том факте, что слушатель опознает уже известные ему слова»⁴⁴. Шеннон из этого исходил, и не создавая себе самому помех гре-

⁴⁰ Frank M. Was ist Neostukturalismus?.. S. 399.

⁴¹ Lacan J. Das Seminar. Buch II... S. 74 (перевод изменен. — Ф. К.).

⁴² Там же. S. 110.

⁴³ См.: Lacan J. Schriften... Bd. I. S. 142 f.

⁴⁴ Lacan J. Das Seminar. Buch II... S. 110.

зами о смысле слов или рассуждениями о том, что дает для любви телефонный разговор, смог оптимизировать вместимость передаточного канала этого медийного средства — введя фильтры полосы пропускания, линейную кодировку с предсказанием (LPC), а также доказав теорему, что при постоянстве аналоговых телефонных и грамофонных колебаний дискретные значения извлекаются за единицу времени. Затем, эта цифровая информация есть любая информация из шепота влюбленных по телефону, тогда как все реально сказанное, согласно Шеннону, оказывается дурманящим шумом. Лакан восторгался словом из технического жаргона Шеннона, «шум» (*jam*, шумовой фон), видя в нем не что иное, как «совершенно новый символ»: «Впервые случилось так, что в качестве основного понятия выдвинуто смешение, как оно есть»⁴⁵.

Так слово из одного слога легло в основу структурного психоанализа. Сначала технические изобретения в медийной сфере позволили мыслить такую структуру, которая сама происходит из стохастического беспорядка⁴⁶, вместо того, чтобы репрезентировать философски порядки сущностей или субъектов, и тем более наперед приписывать им так называемую метафизику пола. Тогда порядок означающих, которыми могут быть фонемы, элементы наборной кассы или оттиски шрифта пишущей машинки⁴⁷, это другое по отношению к «шуму». Только потому, что существует дискретная универсальная машина — компьютер, мы больше не подменяем, заявляет Лакан, «символическую интересубъективность космической субъективностью»⁴⁸. «Символическое», которое в немецких переводах Лакана неизбежно облачается мистическим ореолом и начинает напоминать о Боге богословов или философов, это просто запись реальности с помощью кардинальных чисел. Символическое — это, говоря без обиняков, мир информационных машин⁴⁹. Машина Шеннона сначала вычисляла частотность отдельных букв в английском языке и на основании этого создавала путем случайного подбора прекраснейшую тарабарщину. Затем изучалась и частотность, с которой может встречаться такое-то сочетание двух букв, то есть вероятность данного диграфа, и эта тарабарщина начинала звучать уже немножко как английский. А когда дело дошло до тетраграфов, то есть частотных сочетаний четырех букв (которые не следует смешивать с Тетраграмматонимом библейского Имени Божия), у слушателей сразу создавалось

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ См.: Lacan 1966a. S. 658.

⁴⁷ См. напр.: Lacan J. *Schriften...* Bd. II. S. 26: Так как язык состоит из различного значения элементов, «то видно, что любой существенный элемент в речи сам был заранее наделяем значением, чтобы отлиться в буквах набора [букв. „подвижных“ — *pep.*], которые все свалены в кассах у Дидо или у Гарамона. Они с полным правом представляют то, что мы называем буквами, письмом, и что является сущностно локализованной структурой означающих».

⁴⁸ Lacan J. *Das Seminar. Buch II...* S. 64.

⁴⁹ Там же.

какое-то впечатление понимания: из бессмыслицы они извлекали вполне приемлемый для них смысл.

Именно с таким исчислением вероятности встретить ту или иную букву, с этим великим математическим открытием А. А. Маркова и Э.-Л. Поста и работал лакановский «Анализ Э. По», тогда как до Деррида, написавшего «Почтовую карточку», почта от Поста и Маркова, кажется, не дошла. Данные на входе символической машины — это броски кости реальности, что Малларме на радость Фрейд и Лакану назвал *dé*, производное от латинского *datum*, — данные⁵⁰. Данные на выходе символической машины после подсчетов по принципу вероятности встречи вероятностей встреч вероятностей встреч... — это цепочки или узлы, оракулы или предвещения фей в виде символов: ведь не напрасно французское *фёя* (*fée*) происходит от латинского *фатум* (*fatum*). Простая оцифровка переводит безграничный случай (иначе называемый реальностью) в синтаксис со своими правилами и исключениями, то есть законами. Так и преступный субъект у Э. По, «определяемый в своей интерсубъективности», «послушно, как овца» должен следовать фатуму символического⁵¹. Отличие такого субъекта от машин равно нулю. На излюбленное возражение, что компьютер не может мыслить, поскольку он сначала должен быть запрограммирован, Лакан отвечает, что человек, выполняющий те же операции, что и машина, мыслит точно так же, как машина⁵².

Если бы такой фатализм был объявлен естественным законом, вышел бы скандал. Но теория Лакана в отличие от психоанализа Фрейда говорит о воле и знании и не относится к ведению наук о природе. Это не потому, что человек перестает быть природным существом, но потому, что для его измерения используются уже не часы, как когда Майер и Фрейд наблюдали постоянство энергии⁵³, но такие информационные машины, как игральные кости, игровые поля, цифровые счетчики⁵⁴. Когда Алан Тьюринг разрабатывал, начиная с 1936 г., принципиальную схему компьютера, который должны были успеть построить во время Второй мировой войны для расшифровки решающих для хода военных действий передаваемых по радиоволнам тайных сообщений Вермахта, он заметил в примечании, что компьютер сможет с такой же легкостью и изяществом отвечать на вопросы физиков, касающиеся вселенной, как и на вопросы работников секретной службы о действиях врага⁵⁵. Когда Шеннон создал машинный английский на основании цепей Маркова, он поставил его во время Второй мировой вой-

⁵⁰ См. напр. Lacan J. Das Seminar. Buch II... Bd. I. S. 60.

⁵¹ Там же. S. 29.

⁵² Там же. S. 59; 385.

⁵³ Там же. S. 378.

⁵⁴ Там же. S. 381.

⁵⁵ Turing A. M. 1969, *Intelligente Maschinen* // Turing A. M. *Intelligence service* / Hrsg. v. B. Dotzler, F. Kitzler. Übers. aus d. Engl. von B. Dotzler. Berlin, 1987. S. 98.

ны на службу американской криптографии⁵⁶. И в конце концов Лакан, начиная с 1950 г., предлагал заменить науки о человеке науками о догадках и в противоположность естественным наукам исследовать не совпадения, а случайности⁵⁷. Тогда психоанализ превращался в игру типа «стратегия». На место естественнонаучного знания, «которое всякий раз находит исследованное им на том же месте» и описывает его только при помощи реальных чисел, ставится наука, в которой «места» тасуются сами собой⁵⁸. Такая дискретная математика, перелетая от короля к королеве, от министра к детективу, представляет собой войну; но вся ее фатальность оборачивается компьютерной симуляцией по той простой причине, что вычислительная машина может изящно обрабатывать все «да» и «нет» приказов и запретов, желаний и страхов, как кривую природы.

Лакан говорил в докладе «*Психоанализ и кибернетика*»:

Если нужно назвать что-то ценное, что дает нам кибернетика — это, конечно, различие между радикальным символическим порядком и воображаемым порядком. Один кибернетик вкратце представил мне те предельные трудности, с которыми можно столкнуться, и главная из трудностей — как представить кибернетически функцию образа: это называется коаптация хороших форм. Что в живой природе может быть хорошей формой, в мире символического окажется плохой формой. [...] Трудности, конечно, от этого происходят невысказанные, но иначе невозможно отладить две машины до полного соответствия их сигналов⁵⁹.

В этом удивительном по ясности тексте 1954 г. исследователь человеческого сознания учел и распознавание паттернов, и салат из диаграмм в работах Шеннона. В 1993 г. было отмечено, что 18 миллиардов долларов из кассы японского министерства индустрии были потрачены на нечто близкое *εὐσυνόλιον* Аристотеля или «хорошей форме» Лакана. Цифровой сигнальный процессор, который как и обычный персональный компьютер был способен к параллельному мультиплицированию данных за ничтожные доли секунды, прощупывал [сканировал] зеркальное отражение горы, прямо как делает малыш по Шеннону, и вычислял путем дискретной интеграции близость и с помощью дискретного дифференцирования — контрасты между участками горы до тех пор, пока из «шума» реальности не извлек рисунок символической системы подобий (*Gleichnisse*). И когда сигнальный процессор начинал считать модуляции изображения, происходящие от неровностей зеркала или ряби на морской глади, и отмечать корректировку, кантовская

⁵⁶ См.: Hagemeyer F.-W. Die Entstehung von Informationskonzepten in der Nachrichtentechnik. Eine Fallstudie zur Theoriebildung in der Technik in Industrie- und Kriegsforschung. Diss. phil. FU Berlin, 1979.

⁵⁷ См. Lacan J. Das Seminar. Buch II... S. 378–380.

⁵⁸ Lacan 1978. S. 345.

⁵⁹ Lacan J. Das Seminar. Buch II... S. 378–380.

рефлективная способность суждения полностью автоматизировалась: ведь машина научилась распознавать образы и отличать отражения от их образцов. Процессор пятого поколения ответил на вопрос Манфреда Франка (иначе процессор пришлось бы дорабатывать).

Мы все выучили из классического труда по эстетике, берлинских лекций Гегеля, что распознавание паттернов — это только прелюдия, которая быстро проигрывается под заголовком «Красота в природе». А проблема распознавания образов разыгрывается как раз между индивидом (которым, согласно Лакану, не с меньшим успехом может выступить голубь или шимпанзе) и его окружением. Где начинается трагедия (которой посвящены были лекции Лакана), там довольно речи о распознавании паттернов и о прорисовке (*design*). Сознание — не что иное, как постоянное «наличие» (*Vorhandensein*), отправляющееся от глаз или от ушей, действующее по аналогии с медиа⁶⁰, тогда как при оцифровке реальности, напротив, необходимо возникает «место другого» — комбинаторная матрица стратегий. Никто не выдвигает требование и не начинает войну (а это одно и то же), если нет другого, на которого это действие будет направлено. Малыши в отличие от младенцев шимпанзе смотрят на свое отражение в зеркале с криком восторга от опознания или неопознания себя. Так открывается люк, создающий место войне, трагедии и кибернетике⁶¹.

Как уже было сказано, люди никак не могли бы изобрести информационные машины, напротив, люди являются подданными (*Subjekte*) машин. Слушателям своих семинаров Лакан говорил в лицо, что вы больше, чем вы можете подумать о себе; вы сегодня отдаете себя во власть всякого рода устройств, от микроскопа до телевизора с антенной⁶². Если реальное безусловно находится на своем месте, то символическое всякий раз само меняет место⁶³, и тогда тасование субъекта и зеркального «я» просто открывает перед нами игровое пространство, которое без заполнения не может избыть себя, поскольку ни при каких условиях не становится частью описания. Когда что-то «функционирует в реальности, независимо от чьей-либо субъективности»⁶⁴, для него наготове оказываются медиа и информационные машины; а когда что-то независимое может меняться произвольно, для него возникает культура. Росписи склепа, древнейший символ культуры, остаются вместе с мертвецом; кубик падает всякий раз на свою сторону; и впервые только сетки или гейты в современной технике позволяют символам «лететь на собственных крыльях»⁶⁵. Это означает, что теперь присутствие и отсутствие, *high* и *low*, 1 и 0 могут переключаться так, что одно может оказаться реакцией на другое — это последовательная работа коммутации, цифровая обратная связь.

⁶⁰ См. там же. S. 65.

⁶¹ См. Lacan J. *Schriften...* Bd. I. S. 52.

⁶² Lacan J. *Le séminaire, Livre XX: Encore, 1972–1973*. Paris, 1975. S. 76.

⁶³ См. Lacan J. *Das Seminar. Buch II...* S. 376–380.

⁶⁴ Там же. S. 380 f.

⁶⁵ Там же. S. 381.

Лакан называет это просто «circuit»⁶⁶ и не настаивает, что чистое чередование, которое вырабатывает генератор тактовых импульсов (master clock) любой компьютерной системы, следует сопоставить со «скандированием» (scansion), т. е. ритмом интересубъективного или стратегического времени⁶⁷. Незаметный, но решающий шаг от часов к алгебре переключательных схем (Schaltalgebra), от науки о природе к науке о догадках, от Фрейда к Лакану. Вопрос о разработке «аппарата, который способен производить все действия полностью, то есть и передавать, и записывать, забывать и вспоминать», наконец, получил ответ. В работе контроллера (Schaltwerk) открылась третья универсальная функция — алгоритм как сумма логики и контроля⁶⁸ обеих других медийных функций. Компьютер вернул к жизни теорию, которая тысячелетиями мыслила фиксацию как последовательную запись — от клинописи на глине до линии на виниле.

Допустим, — говорил Лакан участникам своего семинара в Париже, — я посылаю телеграмму отсюда Ле Манам, с назначением «Ле Манам», и она идет в Тур, затем в Сен, затем в Фонтбло, и оттуда в Париж, и так далее по кругу. Когда я прихожу на порог своего посольства, я не могу застать главу посольства. Посольство имеет график работы, возвращаетесь назад. Приходится возвращаться, ничего не поделаешь; а потом «возвращаешься» к тому же по кругу. Это смешно конечно, машина, которая возвращается к самой себе. Это напоминает обратную связь (feedback)⁶⁹ (но никак, было уже замечено, не рефлексию).

Велик ли сдвиговой регистр, как Франция, воплощен, как фамилия Раттенманнов, или миниатюрен, как чаевые на Сицилии — неважно. Главная вещь, информация, циркулирует как присутствие/отсутствие отсутствия/присутствия. И это означает, при условии достаточной вместимости памяти, бессмертие — внутри позитивности техники. Две загадки Фрейда, желание собственной неразрушимости и стремление к смерти в ее повторяемости, причем без обращения к инстинкту как биологической ошибке в расчетах⁷⁰ и метафизике письма.

То, что бессознательное — дискурс другого, повторяют даже в бульварных газетах. Но что дискурс другого — дискурс круга коммутации⁷¹, об этом никто не помнит. А без этого уточнения (или технизирования) все учение Лакана остается голой теорией. Не случайно Лакан запрещал себе беседовать о речи с людьми, которые ничего не понимают в кибер-

⁶⁶ Lacan J. 1978, S. 99–113. Ганс-Йохан Метцгер предложил переводить это слово просто как «круговорот» (Kreislauf), но это несколько затемняет значение взаимосвязи при коммутации.

⁶⁷ См. Lacan J. Das Seminar. Buch II... S. 383.

⁶⁸ Ср. Kowalski R. A. Algorithm = Logik + Control // Communications of the Association for Computing Machinery. 1979. № 2. P. 424–436.

⁶⁹ Lacan J. Das Seminar. Buch II... S. 117.

⁷⁰ См. Lacan J. Schriften... Bd. I. S. 42.

⁷¹ Lacan 1978. S. 112.

нетике⁷². Только теория, выраженная в алгоритмах, графах или узлах (как у позднего Лакана), позволяет обойтись без письма, чтобы сделать речь принадлежащей кому-то. Только великое другое, которое устанавливается в работе контроллера или батарее означющих, может стать «действительным предметом (sujet) современной теории игры и как таковой вполне и целиком стать доступным современному расчету догадок»⁷³ — и тогда именно структурный психоанализ становится наукой. Пари Лакана, более рискованное, чем пари министра у По, звучит буквально так:

Если бессознательное во фрейдовском смысле существует, мы должны сказать: раз мы понимаем импликации учения, выведенного Фрейдом из опытов психопатологии повседневной жизни, нет ничего немислимого в том, что современные вычислительные машины сверх всяких привычных пропорций выигрывают в игру «чет и нечет», потому что они могут без всякого знания, только на основе длительного просмотра, модулировать акт выбора субъекта⁷⁴.

Герменевтик с его прозорливостью, но и аналитик с его работой по раскрытию явлений, могут теперь уйти на покой. Компьютер как победитель в игре в кости, в Монте Карло или каком другом монте, подтверждает изречение Лакана, более опасное для человечества, чем атомная бомба⁷⁵. В машинах уже заложена теория риска, и психоанализ, как наука о догадках, приходит к риску самой теории.

Поэтому не так трудно заключить, что знаменитое определение человеческого языка у Лакана, согласно которому язык в отличие от танцующих блох Карла фон Фриша учитывает субъективность другого при всякой адресации, также вполне подходит и к крылатым ракетам⁷⁶. И вряд ли знаменитый упрек, что нео- и постструктуралисты празднуют смерть субъекта, можно вынести миру за то, что в нем есть дистанционно управляемый оружейный «субъект». Изобретение кибернетики, по собственному признанию Норберта Винера, совпало с появлением автоматически управляемого оружия во время Второй мировой войны⁷⁷. Это вовсе не постмодернистское, но только модернистское послание⁷⁸.

Для субъекта, который не говорит ни на каком формальном языке, остается — согласно самому сжато утверждению Лакана в области эстетики — танец, джаз и либидо⁷⁹. По крайней мере, в межвоенное время.

Перевод с немецкого Александра Маркова

⁷² См. Lacan J. Das Seminar. Buch II... S. III.

⁷³ Lacan J. Schriften... Bd. II. S. 181.

⁷⁴ Lacan J. Schriften... Bd. I. S. 58 f.

⁷⁵ Ср. Lacan J. Schriften... Bd. I. S. 117.

⁷⁶ Ср. Kittler 1986. S. 372 f.

⁷⁷ См.: Norbert W. Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine. Cambridge MA, 1957/1963. 2 ed. P. 28.

⁷⁸ Никлас Луман, устное сообщение.

⁷⁹ См. Lacan J. Das Seminar. Buch II... S. 96.